

Д.В. Тимофеев

КРЕПОСТНОЙ ВОПРОС В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ЗЕРКАЛЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-31-00007.

Обосновывается необходимость разработки исследовательской модели изучения истории общественного сознания с применением методологических установок современной истории понятий. Сопоставлены различные контексты использования понятий «свобода», «рабство» и «собственность» на трех уровнях публичной и непубличной коммуникации. В результате сравнительно-контекстуального анализа выявлены основные сценарии освобождения крестьян и особенности осмысления крепостного вопроса в России первой четверти XIX в.

Ключевые слова: история понятий; крестьянский вопрос в России; свобода; рабство; собственность.

Сложившаяся в историографии парадигма изучения истории общественной мысли России первой четверти XIX в. на основе анализа произведений «великих» авторов, таких как, например, М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцов, Н.М. Карамзин, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель, подразумевает, что анализ такого рода текстов позволяет выявить наиболее важные тенденции в эволюции общественного сознания изучаемого периода, особенностей трактовки либеральных или консервативных идей. С подобной установкой вполне можно согласиться, если не ставить перед исследователем более масштабную задачу: реконструировать социально-политические настроения не только в кругах правительственной элиты, трактатах известных литераторов и наиболее активных представителей тайных обществ, но и в различных социальных средах. В данном контексте принципиально важным представляется не «приписывание» того или иного автора к либералам или консерваторам, а понимание, каким образом одни и те же социально-политические концепты трактовались представителями дворянства, купечества и даже крестьянства.

Реализация предложенного подхода возможна при «перенастройке» методологического инструментария изучения истории общественной мысли. Принципиально важной задачей должен стать не поиск идеологических соответствий европейским образцам, особенно в условиях, когда никакого *единого* либерализма или консерватизма в различных странах Европы не существовало [1. С. 37–53], а, подчеркивая пластичность и подвижность общественно-политических настроений, реконструкция представлений различных «состояний» российского общества о своем месте в системе социальных взаимосвязей, законе и верховной власти, свободе и ее границах, содержании и характере дифференциации гражданских прав.

Подобная смена исследовательской оптики означает, по сути, отказ от поиска цельных, концептуально завершенных и текстологически оформленных программ, теорий или трактатов, позволяющих констатировать степень зрелости политических идеологий в российских условиях. Такая задача является вторичной и может оказаться востребованной уже на уровне макроисторических обобщений и проведения компаративистских исследований истории различных стран. В рамках же конкретно-исторических работ,

исследовательское поле которых ограничено относительно небольшим хронологическим периодом, рабочим инструментом историка, стремящегося реконструировать весь спектр социально-политических и экономических представлений, должен стать анализ особенностей понятийно-категориальной системы в сознании людей изучаемого времени¹. С этих позиций история общественного сознания тесно сопряжена с историей социально-политических понятий в широком социальном контексте, процессами внутри- и межгрупповых коммуникаций, в ходе которых происходила личная самоидентификация индивида. Именно поэтому важно выявить, в каких терминах и понятиях осуществлялось осмысление социального пространства, каким образом формулировались обращения к властным структурам различного уровня и какие дополнительные значения основных социально-политических понятий возникали в процессе повседневных коммуникативных практик. Методологическим основанием предложенного подхода могут стать наработки двух различных по методике анализа текстов, но в равной степени признающих значительную эвристическую ценность исследований языка исторического источника направлений в современной «истории понятий» – немецкой «*Begriffsgeschichte*» [4. С. 33–53; 5. С. 21–33; 6. С. 23–44] и англосаксонской (Кембриджской) школы «*History of Concepts*» [7. С. 55–66; 8. Р. 6–23].

Решение обозначенных исследовательских задач обуславливает необходимость существенного расширения круга исторических источников посредством включения в поле зрения историка текстов, созданных с различной целевой установкой и степенью публичности: от материалов периодической печати, предлагаемых широкому кругу читателей, до проектов и прошений, адресованных конкретным должностным лицам. В перспективе такое *жанровое многообразие источниковой базы* исследования позволит более точно определить, что подразумевали представители различных социальных страт, используя одни и те же социально-политические понятия, насколько различались их понимание теоретических концептов и обоснование практических действий. Очевидно, что полученная таким образом «мозаика значений» может оказаться весьма пестрой и противоречивой, так как одно и то же понятие могло использоваться в различных

дискурсах и приобретать дополнительные смысловые акценты. Именно поэтому, наряду с принципом жанрового многообразия источников, необходима реализация *принципа сфокусированного изучения системы социально-политических понятий в рамках содержательно определенных проблемно-тематических полей*.

Применительно к истории общественного сознания России первой половины XIX в. одной из наиболее обсуждаемых проблем был поиск вариантов решения крепостного вопроса. Дискурсивные практики по данному вопросу отражены не только в проектах и записках, но и в журнальных публикациях, прошениях и жалобах от «людей, ищущих свободы», подаваемых во властные структуры различного уровня. Такой сложносоставной характер осмысления проблемы, фиксируемый в текстах с различной степенью публичности, позволяет провести сравнительно-контекстуальный анализ использования ключевых социально-политических понятий. В рамках крестьянского вопроса такими понятиями были «свобода», «рабство» и «собственность».

Российские журналы о невольниках, рабстве и свободе

Проведенный анализ содержания публикаций в журналах «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Архив исторический и политический», в которых прямо или косвенно актуализировался вопрос о личной зависимости человека, позволил выявить *два основных сюжета*: описание состояния «рабства» в других странах и размышление о природе взаимоотношений помещиков и крестьян в России.

Яркой иллюстрацией *первой сюжетной линии* являются информационные заметки и записки путешественников о положении «невольников» в странах Африки, Северной и Южной Америки [9. С. 121–130; 12. С. 151–172], а также статьи об историческом опыте отмены «рабства» в странах Европы. Как правило, все подобные публикации содержали и негативные оценочные суждения о бесчеловечности «рабства» как не соответствующего нормам христианской морали социально-экономического явления, и признание того, что «свобода» для любого человека, вне зависимости от его происхождения, является наивысшей ценностью. Так, например, в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1805 г. была напечатана статья «Геройская решительность негра» [11. С. 241–246]. В ней со слов английского поручика Тьюкея автор изложил случай, произошедший в мае 1803 г. в Бразилии. Главный герой рассказа – негр Ганно, который несколько лет копил деньги на выкуп из «рабства» жены и двух детей на свободу, но был обманут своим хозяином. Потеряв и деньги, и возможность освобождения, он сам убил жену и детей, аргументируя это тем, что лучше им умереть, чем оставаться рабами. Описание произошедшей трагедии завершалось сообщением о судьбе несчастного раба: за совершенное преступление он был предан суду, но «португальцы чувствительно были тронуты» его поступком, и вскоре «...невольник получил свободу», а бывший хозяин подвергнут денежному штрафу за нарушение закона,

в соответствии с которым «всякой владетель законом обязывается давать свободу своему невольнику, как скоро сей последний в состоянии заплатить за себя известную денежную сумму» [13. С. 241, 246]. В такой трактовке принятое решение в отношении индивида, совершившего преступление, руководствуясь естественным стремлением к «свободе», оценивалось как действие по восстановлению справедливости.

Во всех подобных публикациях главной причиной, сдерживающей искоренение «рабства», объявлялась «корысть» торговцев живым товаром и его владельцев. Особенно отчетливо это подчеркивалось в материалах о положении невольников в английских колониях, где с молчаливого согласия властей продолжалась торговля людьми «единственно ради коммерческих своих выгод» [9. С. 121–122; 8. С. 155]. Для российского читателя подобного рода публикации, которые чаще всего были перепечатками материалов из европейских журналов, содержали не только описание несправедливого устройства общества, но и служили еще и своеобразной иллюстрацией того, какие существовали сценарии освобождения от «рабства».

В общем виде анализ публикаций о «рабстве» в других странах позволил выявить *два взаимосвязанных сценария освобождения*. Первый – *освобождение рабов за денежный выкуп* – преподносился как наиболее реалистичный, особенно в тех странах, куда постепенно проникало «просвещение» и где происходило «смягчение нравов». Интересный пример реализации такого варианта решения проблемы «рабства» российские читатели могли найти на страницах журнала «Вестник Европы». В статье «О нынешнем состоянии негров, находящихся в колониях американских» был опубликован отрывок из произведения Г. Боринтброка «Путешествие по берегам реки Демарары в Голандской Гвиане», в котором подчеркивалось, что по мере «просвещения» поселенцев в американских колониях «...более непочитают негров животными среднего рода между человеком и обезьяною» [12. С. 305]. Логическим следствием изменений в сознании землевладельцев стало существенное улучшение условий жизни невольников. Так, например, читателю сообщалось: «...в колониях Гвианы нередко случается видеть негров, которые хозяйством своим наживают сумму, достаточную для выкупа себя из неволи» [Там же. С. 307], а освобождение могло происходить не только после выплаты полной суммы рабовладельцу «до получения свободы», но и частично, в рассрочку, с расчетом на то, что свободный работник сможет быстрее заработать недостающую часть выкупной суммы.

Второй сценарий также не исключал процедуры выкупа личной свободы, но был ориентирован не столько на добрую волю хозяина, сколько на *действия государства по юридической регламентации прав и обязанностей подневольных работников*. Именно такой, юридический вариант решения проблемы «рабства» преподносился в качестве общей тенденции в странах Европы и США. Так, например, читателю сообщалось о помощи правительства Американскому обществу для учреждения колоний, которое изъявило готовность выкупить в Африке пустую-

щие земли для переселения туда освобожденных рабов [13. С. 479–480, 486]. В перспективе взаимодействия «просвещенных» граждан и правительства должно было привести к полной ликвидации «ненавистного торга неграми» и «тягостного рабства». Подобные оптимистичные ожидания высказаны и в статье П. Свирина «Взгляд на республику Соединенных Американских областей». По данным автора, «негров по последней ревизии считалось... 186 000 свободных и 1 185 823 находящихся в рабстве», но «...есть надежда, что в скором времени все будут освобождены, ибо уже шесть северных штатов уничтожили рабство и всем неграм своим дали свободу» [14. С. 268–269].

Указанная тенденция к постепенному искоренению «рабства» преподносилась не просто как процесс, локализованный в рамках одного государства, а как общемировая тенденция. На этом фоне показательна публикация в журнале «Вестник Европы» отрывка из «Курса политической экономии» А.К. Шторха под заголовком «Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ее колониях» [15. С. 138–147]². Аргументируя тезис о движении человечества к «господству человеколюбия и справедливости» за предшествующие 50 лет, автор представил читателю краткий обзор процесса освобождения крестьян в Дании, Австрии, Венгрии, Пруссии, Германии³, Швеции, Великом Княжестве Варшавском; «Соединенных Северо-Американских областях»; колониях датских, английских и французских; землях «Испанской Америки» (Мексика). Внимательное прочтение такого рода публикаций позволяло найти ответ на три принципиально важных вопроса: кто может быть инициатором освобождения, каким образом этот процесс был закреплён в нормативно-правовых документах и как был решён вопрос о наделении крестьян землей.

Во всех приведенных автором примерах подчеркивалось, что «упадок рабства» произошёл при непосредственном участии монарха или парламента / конгресса. Особенно отчетливо добрая воля монарха была представлена в описании Дании, где, по словам автора, «королева София Магдалина в 1761 г. показала достохвальный пример земским владельцам, даровав свободу крестьянам в своих имениях и отдавши каждому из них в собственность ту землю, которая была ими обрабатываема», а несколько позднее «король сделал то же самое в Голштинских своих владениях...»: он разделил землю на малые участки и продал их «крестьянам и другим людям» [Там же. С. 138–139]. При этом автор, позитивно оценивая произошедшие в стране перемены, сообщал, что «многие владельцы последовали примерам Короля и Королевы: одни уничтожили неволю, и земли свои начали отдавать в аренду; другие сделали условия с крестьянами своими, определивши денежные взносы или же отправление работы, соответственно законам справедливости» [Там же. С. 139]. Дальнейшему распространению подобной практики «на все провинции королевства» способствовало законодательное закрепление «взаимных прав и обязанностей владельцев и подданных», а также королевский указ 1792 г., предоставлявший «...значительные выгоды владель-

цам, которые согласятся делить земли свои на участки и продавать крестьянам» [15. С. 139]. В такой трактовке инициатива верховной власти способствовала добровольному и взаимовыгодному разрешению вопроса о личной свободе работников.

Аналогичный алгоритм освобождения по инициативе верховной власти был представлен на примере Австрии, где «Иосиф II в 1781 г. уничтожил рабство во всех немецких провинциях империи», вследствие чего «крестьянин сделался арендатором и может приобретать землю в собственность» [Там же. С. 140]. Твёрдое намерение даровать личную свободу продемонстрировали, по мнению автора, власти Пруссии, где «рабство и крепостное состояние в целом государстве навсегда уничтожены указом королевским 9 октября 1807 года», а также в Германии в период между 1770 и 1790 гг., когда, следуя «примеру маркграфа Баденского, Князя Империи изгладил следы рабства в своих владениях» [Там же. С. 141]. При этом, как и в случае с Данией, воля верховной власти порождала цепную реакцию и приводила к возникновению юридических документов, регламентирующих взаимоотношения крестьянина и землевладельца. Реализация подобной модели была представлена на примере Венгрии, где в 1791 г. по инициативе Марии Терезии местный сейм утвердил особый «Статут» (Urbanium), с введением которого «...крестьянин, прежде бывший рабом, сделался свободным» и получил право перехода от одного землевладельца к другому [Там же. С. 140].

Таким образом, посредством журнальных публикаций происходила актуализация понятия «рабство», которое использовалось при описании общественного разделения не только в древней Греции и Риме, но и в современных странах мира. На примере относительно недавнего прошлого ряда европейских государств российскому читателю убедительно демонстрировалось, что наиболее распространённым и эффективным вариантом искоренения «рабства» в современном мире является сценарий освобождения за выкуп по инициативе верховной власти.

Наряду с публикациями о «рабстве» в зарубежных странах ещё одним сюжетом, отражающим дискурсивные практики использования понятий «свобода» и «рабство», были рассуждения о сопоставимости положения крепостных крестьян в России с «рабством». Как правило, подобная формулировка не становилась темой для отдельной статьи, а была лишь одним из сюжетов в рамках размышлений авторов о «духе времени», «благонамеренных устремлениях» верховной власти или «успехах просвещения» в России. Проведённый анализ статей, авторы которых прямо или косвенно задавали вопрос о том, каким образом можно описать положение крепостных крестьян и дворовых людей в России, позволил выявить два аспекта подобных рассуждений.

Во-первых, утверждалось, что характерная для многих стран тенденция к искоренению «рабства» прослеживается и в России. В подтверждение данного тезиса, как правило, приводились цитаты из наказа Уложенной комиссии Екатерины II, указов императора Александра I от 12 декабря 1801 г. и 20 февраля

1803 г. Не менее показательным примером «благонамеренности» верховной власти по крестьянскому вопросу были многочисленные упоминания об окончательном «уничтожении рабства» на отдельных территориях Российской империи – в Лифляндии (указ 20 февраля 1804 г.) и Эстляндии (указ 23 мая 1816 г.) [13. С. 144]. В такой формулировке положение крестьян в Лифляндской и Эстляндской губерниях, пусть и косвенно, но было признано «рабством», которое все-таки было, но отменено по повелению монарха.

Во-вторых, широко распространенный образ классического античного рабства позволял современникам «просвещенного века» размышлять о типологических отличиях «рабства» и положения российского крестьянина. С этих позиций понятие «рабство» считалось неприемлемым для описания состояния крепостных в России. Так, например, один из авторов, скрывший свое имя за инициалами «Р.О.», опровергал утверждения зарубежных писателей о существовании «рабства» крестьян в России, иронично заявляя, что они «...удивились бы, если бы могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых рабов, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства!» [16. С. 321]. По мнению автора, в России сложился своеобразный баланс интересов помещика и крестьянина: «Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и натуры: вот его обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделю: вот его право!» [Там же. С. 322]. Нетождественность «рабства» и крепостного состояния в России проявлялась в «ограничении господской власти», которая, по словам автора, «...по самым нашим законам не есть тираническая и неограниченная» [Там же. С. 322].

В некоторых случаях подобная идеалистическая картина взаимоотношений крестьян и помещиков преподносилась как закономерное продолжение патерналистского по своей природе монархического правления, а «право помещиков, власть вверенная... законом» назывались «...неоцененным орудием для распространения добра» [17. С. 283]. При этом, признавая единичные случаи злоупотребления дворянами правом управления крестьянами, подчеркивалось, что «...примеры дурных помещиков столь же мало должны почитаться возражением на сию истину, как и примеры дурных судей возражением на необходимость суда» [18. С. 286]. Более того, именно отсутствие отеческого попечения со стороны помещика при переводе крестьянина в состояние наемного работника, по мнению российских авторов, может привести его в «рабское» положение. Чаше всего в качестве примера, иллюстрировавшего реалистичность социального бесправия работников, приводилась Англия. В.Н. Каразин, ссылаясь на работы английских писателей, напоминал, что наемные работники, «...сии свободными кажущиеся люди, суть на самом деле не что иное как рабы, с тою только разностью, что переменные их властители не имеют никаких причин заботиться о их благосостоянии» [17. С. 284].

Подобные примеры должны были убедить российского читателя в том, что формально-юридическая «свобода» на практике могла сочетаться с бедностью и жесткой экономической эксплуатацией работников и, по сути, была сопоставима с «рабством».

Таким образом, в российской периодической печати понятия «рабство», «свобода», «закон» и «собственность» оказывались категориями универсальными и взаимосвязанными. Все они использовались при описании как отсталых африканских колоний, так и развитых европейских государств. Предполагалось, что «рабство» как безусловно негативное и противоречащее нормам христианской морали явление по мере «просвещения» народов неизбежно исчезнет во всех странах мира, но этот процесс требует активного участия верховной власти: она должна законодательно регламентировать порядок предоставления «свободы», решить вопрос о «собственности» на землю и определить объем предоставляемых различным категориям подданных прав и обязанностей. На территории одного небольшого государства такой сценарий может быть реализован достаточно быстро, однако, как писал один современников, для «конечного истребления рабства не только в Европе, но и во всех частях света, куда только достигнут... законодательство и образованность», необходимо примерно 100–150 лет [15. С. 144].

Свобода, рабство и собственность в проектах и прошениях

Содержательно в многочисленных проектах улучшения положения крестьян в России воспроизводилась уже знакомая по журнальным публикациям логика рассуждений: «рабство» – явление историческое, существовавшее длительное время в различных странах мира, но закономерно исчезающее в связи с распространением «просвещения». В записке М.М. Балугьянского и А.Я. Дружинина «О законах, относящихся до земледельцев или крестьян» (1818) исторический обзор стран Европы завершался выводом: «Состояние земледельцев во всех европейских областях с отдаленной древности до наших времен представляет повсюду сначала невольников или рабов, потом укрепленных к земле Серфовъ подвластных тем помещикам, от которых получали они возделываемые ими участки. Сие единообразие есть следствие поземельной собственности» [19. Л. 67]. В такой трактовке основной причиной «рабства» в различных странах были уже не абстрактные ссылки на жестокость нравов людей в предшествующие столетия, а указание на утилитарную, экономическую основу прикрепления крестьян к земле по мере формирования института земельной «собственности». Закономерным итогом этого процесса объявлялось юридическое оформление дифференциации подданных на тех, кто обладал правом собственности на землю, и тех, кто вынужден был лишь обрабатывать ее, не имея возможности свободного и безусловного перехода на другие территории.

Именно наличие «собственности», возможность самостоятельно принимать решения и действовать

независимо от воли других людей рассматривались как главные отличительные признаки свободного гражданина. О.П. Козодавлев в записке «Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из под рабства...» (1818), отвечая на вопрос «что есть гражданская свобода?», подчеркивал неразрывную взаимосвязь «свободы» с правовыми гарантиями личной безопасности и неприкосновенности частной «собственности», а сущность «рабства» определял следующим образом: «Рабство есть то положение человека, в котором законы гражданские лишают его права личного, права собственности, отъемлют у него волю и как его, так и имущество отдают в полную власть другого человека» [20. С. 146–147]. Сложность решения проблемы рабства крестьян в России, по его мнению, заключается в двойственности исторически сложившегося положения. С одной стороны, он считал не требующим дополнительной аргументации утверждение, «что рабство есть постыдное человечеству установление, что оно основано не на праве, но на злоупотреблении власти, на насилии...» и «...противно справедливости и коренным общежития законам». Но, с другой стороны, признавал: «рабство, яко установление уже довольно давно в России существующее и обычаем, и временем укоренившееся», обусловило определенные «...обязанности и права, утверждающие собственность некоторых членов общества» [Там же. С. 148]. Таким образом, по мысли автора, изначально внеправовое в России явление постепенно оказалось тесно взаимосвязанным с имущественными правами землевладельцев, а неизбежное в ближайшей исторической перспективе уничтожение «рабства» – невозможным без нарушения прав «собственности».

Обозначенная взаимосвязь «рабства», «свободы» и «собственности» во многом обусловила направление поиска вариантов решения крестьянского вопроса в России первой четверти XIX в. Признание зависимости доходности помещичьих имений от количества крепостных крестьян и одновременно понимание неплатежеспособности большинства крепостных актуализировали формирование двух основных подходов к решению крепостного вопроса. Во-первых, наиболее безболезненным как для крестьян, так и для помещиков способом личного освобождения рассматривался вариант с переводом крестьян в «срочные или бессрочные содержатели земель» с заключением письменного договора, в котором было бы зафиксировано право наследственного пользования и свободного перехода крестьян на другие территории» [20. Л. 74–108; 21. Л. 19–38]. Во-вторых, не менее реалистичным вариантом, при котором возможно было сохранение права собственности помещиков и постепенное уничтожение «рабства» в России, рассматривалась перспектива юридического расширения круга лиц, обладавших правом собственности на населенные крестьянами земли [23. С. 215–221]. В большинстве случаев авторы такого рода проектов предполагали, что новые собственники недворянского происхождения, приобретая населенные земли, не смогут распоряжаться крестьянами вне рамок трудовых обязательств, зафиксированных в срочных или бессрочных договорах

[19; 20. Л. 74–108; 24. Л. 6–21]. Предлагаемое наделение «правом собственности на населенные земли» представителей всех свободных состояний в перспективе должно было уменьшить количество злоупотреблений властью, а следовательно, способствовать постепенному искоренению «рабства» в России. Убедительным аргументом, подтверждавшим справедливость подобной логики, были, например, прошения купечества о разрешении им приобретать земельные участки с крестьянами [24. Л. 4]. Однако одновременно такой оптимистичный взгляд на возможность постепенного искоренения рабства посредством установления договорных отношений нередко опровергался ссылками на многочисленные случаи злоупотреблений властью недворянами, владевшими крестьянами по так называемым «верющим письмам» [24. Л. 53].

Рассмотренные выше примеры использования понятий «свобода», «рабство» и «собственность» во многом отражают смысловые акценты в текстах, адресованных неопределенному кругу лиц (в случае периодической печати) или немногочисленной по составу группе, олицетворявшей властные институты различного уровня. При этом авторы текстов были либо внешними наблюдателями, для которых крепостной вопрос являлся во многом теоретическим конструктом, интересным предметом для размышлений на морально-этические или экономические темы, либо помещиками, признававшими или отрицавшими существование «рабства крестьян» в России. Позиция же самих крестьян никогда не выносилась на публичное обсуждение и может быть реконструирована лишь частично посредством изучения крестьянских жалоб и прошений.

В отличие от журнальных публикаций и дворянских проектов, крестьянские прошения, как написанные собственноручно крестьянами, так и составленные по их инициативе различными «доверителями»⁴, не содержали теоретических рассуждений о причинах возникновения крепостного права и аморальности «рабства». Субъективное осознание значимости прошений⁵, отсутствие практического опыта обращения к властным структурам и, как правило, небольшой объем документа предопределяли повышенное внимание не только к содержательной стороне текста, но и к тому, как он был написан, какие понятия и выражения могли усилить эмоциональное восприятие текста, вызвать у чиновника чувство сострадания и желание оказать необходимую помощь. С этих позиций использование понятия «рабство», которое имело однозначно отрицательную коннотацию, являлось практическим действием, направленным на повышение вероятности получения искомого результата при решении конкретного дела. В этой связи принципиально важно выявить, в каких случаях крестьяне употребляли понятие «рабство» и какие особые обстоятельства, по их мнению, могли служить основанием для получения «вольности» / «свободы».

Проведенный сравнительно-контекстуальный анализ нескольких десятков прошений показал, что понятие «рабство» использовалось при описании чрезмерной жестокости помещика, а также в случаях, если крестьянину становились известны обстоятельства,

позволявшие надеяться на получение личной свободы. Одним из таких обстоятельств могло быть, например, многолетнее пребывание во владении у лиц недворянского происхождения под предлогом перевода крепостного по «верующим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание». Отданные «в услужение» или «учение» крестьяне могли находиться у разночинцев, купцов и даже предприимчивых крестьян несколько десятилетий подряд, полностью утрачивая какую бы то ни было связь с законным владельцем. В этих условиях поводом к составлению прошения «об отыскании свободы от рабства» мог стать принудительный перевод крестьянина к новому владельцу. Не имея достоверной информации о перепродаже или продлении срока действия «верующего письма», крепостные сравнивали необоснованную, по их мнению, смену хозяина с «рабством». Показательным примером является прошение крестьянина Гавриила Шебакина от 7 февраля 1816 г., в котором он утверждал, что «...от рождения состоял во владении полковницы Мильгуновой, а от нее продажен, или по закладной, находился у Пензенского купца Федорова Попова в рабстве 15 лет, и оным продан княгине Шаховской крестьянину Павлу Пастухову... у коего находился с семейством лет восемь...» [27. Л. 5]. Все описанное, с позиции крестьянина, свидетельствовало о пребывании его в «рабстве», а следовательно, давало ему право подать прошение об «отыскании свободы от рабства».

Еще одним основанием для составления прошений были различные заявления о некрестьянском происхождении просителей, которые оказывались во власти помещика в результате брака одного из родителей «свободного состояния» с крепостным человеком. В прошениях авторы подробно излагали историю семьи и обязательно, подчеркивая незаконность удержания помещиком «свободного» человека, упоминали о несправедливых наказаниях помещика «...не за буйство, а чтоб не именовал себя вольным..., просил от рабства дать свободу» [28. Л. 8].

Не менее информативны для реконструкции представлений крестьян о сущности «рабства» жалобы на незаконное наследование имения после смерти предыдущего помещика. В качестве аргументов, позволявших сомневаться в обоснованности прав нового владельца, сообщалось, например, о выплате крестьянами долговых обязательств умершего помещика. Именно такое обоснование права на предоставление «от рабства свободы» изложено во всеподданнейшем прошении крестьянина Костромской губернии Трофима Васильева. Он утверждал, что после смерти предыдущего помещика имение перешло по наследству новому хозяину, который, желая расплатиться с долгами, «...заложил всех вообще крестьян в государственный заемный банк», но через 6 лет умер. Ближайшие родственники дворянина отказались выплачивать залоговую сумму в 10 тыс. руб., что стало причиной «взятия имения в опеку». В сложившихся обстоятельствах «...решились крестьяне все вообще... долги сполна заплатить сами» и на этом основании считали себя «от опеки банка свободными» [29. Л. 1 об.]. Однако, несмотря на это, по постановлению

Костромского уездного суда 6 марта 1814 г. имение перешло в управление подпоручицы А. Захаровой. По словам крестьянина, новая помещица, не имея «на право владения доказательств», не только существенно увеличила размер оброка, но и подговорила своего зятя, который по ее поручению «...делал великия безобразия и насилия, бил жену мою немилосердно, вынул четырнадцать рублей, и еще увел со двора моего собственного принадлежащую мне лошадь со всею упряжкою...» [29. Л. 2].

В такой трактовке явным проявлением «рабства» для крестьянина было физическое насилие и лишение его личного имущества, а право на «свободу» возникало как результат финансовой сделки с государством, которая стала возможна вследствие отказа законных наследников от выплаты долгов. При этом понятие «собственность» в крестьянских прошениях не являлось центральным и использовалось крайне редко при упоминании о личном движимом имуществе.

Комплексный анализ различных по своему целевому назначению и степени публичности текстов позволяет сделать ряд предварительных выводов о характере и особенностях расстановки смысловых акцентов использования понятий «свобода», «рабство» и «собственность» на трех уровнях коммуникативных практик.

На уровне публичной коммуникации – в текстах журнальных публикаций – «рабство» преподносилось как исторически сложившийся, но, безусловно, неприемлемый в современном мире тип взаимоотношений. Основной акцент делался на эмоционально-оценочных суждениях о моральном неприятии «рабства» и его несоответствии природному стремлению человека к «свободе». Одновременно с этим артикулировалась компенсаторная модель предоставления личной «свободы», предписывающая обязательность выкупной операции в масштабах всей страны, инициатором проведения которой может и должна быть верховная власть. В публичных текстах использование понятия «рабство» было своеобразным маркером, обозначающим позицию автора по данному вопросу: одни употребляли его в однозначно негативном контексте, утверждая неприменимость данного понятия к российской действительности, другие признавали «рабство» крестьян и призывали к его скорейшему искоренению. И если позиция первых сводилась к воспроизводству аргументов о патерналистском характере взаимоотношений между помещиком и находившимися на его земле крестьянами, то сторонники признания «рабства крестьян» чаще всего акцентировали внимание на его несовместимости с нормами христианской морали, необходимости жесткой юридической регламентации объема прав и обязанностей как крестьян, так и собственников земли.

На втором, проектном уровне при частичном сохранении риторических приемов о безнравственности «рабства» основной акцент делался на необходимости понимания экономических и политических причин его формирования в различных странах мира. С этих позиций центральным понятием, тесно взаимосвязанным с концептом «рабство», становится понятие «собственность», а вместо рассуждений о природном стремлении человека к «свободе» формируется сугубо

юридический дискурс о том, что может сделать правительство для освобождения крестьян, не нарушая права «собственности» помещиков. В ходе подобного рода рассуждений происходило смещение смысловых акцентов с теоретического концепта «естественно» свободной личности на проблему организации постепенного перехода зависимых крестьян на новый тип договорных взаимоотношений с «собственником земли». Такая логика подразумевала целесообразность не только личного освобождения крестьян по договору с помещиком, но и предоставления права владеть населенными крестьянами землями и недворянам, что не только не способствовало бы укреплению крепостного права, а напротив – его смягчению посредством юридической регламентации прав и обязанностей крестьян.

На третьем, утилитарно-прагматичном по содержанию и целям составления текстов уровне возникают устойчивые словосочетания «свобода от рабства», «свобода из владения», «отыскание свободы». Но, в отличие от журнальных публикаций и проектов, в крестьянских прошениях «рабство» – категория не абстрактная, обозначающая положение крестьянства в целом, а вполне конкретное понятие, которое характеризует личную историю и сложившиеся на определенный момент времени жизненные обстоятельства. Отождествление авторами прошений своего положения с «рабством» было всегда ситуативно, как результат жестокого наказания, сомнений в правомерности смены владельца или получении информации о «свободном» происхождении. Именно поэтому при описании законного, с точки зрения крестьянина, «нахождения во власти» помещика использовалось понятие «владение», но не «рабство». Не менее важно отсутствие в крестьянских прошениях смысловой взаимосвязи понятий «свобода» и «рабство» с понятием «собственность». Лишь иногда в прошениях использовалось прилагательное «собственный» в значениях «личный», «свой», но «собственность» для описания материального ущерба движимому имуществу крестьянина. Ключевой для дворянских проектов земельный вопрос в крестьянских прошениях упоми-

нался только в случае, если помещик или его наследники отказывались от подписанного ранее договора / завещания о переводе крестьян в «вольные хлебопашцы» с наделенной землей за выкуп, либо, как в случае с прошением Трофима Васильева, если крестьяне погасили долги помещика кредитным учреждениям.

Таким образом, полученные в процессе сравнительного анализа значения и контекстов употребления понятий «свобода», «рабство» и «собственность» результаты представляются важными для дальнейшей разработки методологического инструментария истории понятий. Практическая реализация принципов жанрового многообразия в рамках одного проблемно-тематического поля (в данном исследовании – на примере проблемы «искоренения рабства крестьян» в России) показало высокую информативность такого подхода. Работая в одном контекстуальном пространстве, но используя тексты различного жанра и степени публичности историк получает возможность выявления не только основных и дополнительных значений социально-политических понятий, но и особенностей их употребления как в публичных дискуссиях, так и при обосновании практических действий, нацеленных на получение конкретного результата. Именно такое сочетание текстов, созданных в различных жизненных обстоятельствах, с различными целями и адресованных неизвестному читателю или конкретному чиновнику, позволит исследователю выявить сходства и отличия социально-политического языка представителей различных социальных групп, особенности расстановки смысловых акцентов при аргументации своей позиции по наиболее актуальным для современников проблемам. Предложенный подход отрывает перспективу существенной корректировки сложившегося алгоритма жесткого идеологического приписывания исторических акторов к либералам, консерваторам или сторонникам социал-демократических взглядов и изучения истории общественного сознания как сложносоставной и постоянно изменяющейся системы дискурсивных практик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересным примером таких исследований являются, например, работы Е.Н. Марасиновой [2] и К.Д. Бугрова [3].

² В примечании к статье издатель, подчеркивая значимость данной публикации и соответствие ее содержания намерениям верховной власти в России, отмечал: «Книга сия была напечатана в С. Петербурге на французском языке иждивением Государя императора» [13. С. 138].

³ В тексте статьи Пруссия и Германия представлены отдельно [Там же. С. 141–142].

⁴ При составлении анализируемых в статье крестьянских прошений, кроме документов, написанных крестьянами «собственноручно», выявлены тексты, при составлении которых крестьяне обращались за помощью к коллежским и губернским секретарям, канцеляристам, студентам и мещанам. Но при этом инициатором и основным автором прошений был крестьянин [23. Л. 169; 24. Л. 33 об.].

⁵ О практике реагирования на жалобы и прошения крестьян в российском законодательстве см.: [21. Т. 1. С. 257–269].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелохаев В.В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы ее изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 37–53.
2. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999.
3. Бугров К.Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII в. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 160–176.
4. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетей, 2006. С. 33–53.
5. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. статей : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : НЛЮ, 2010. С. 21–33.

6. Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. : пер. с нем. М. : НЛЮ, 2014. Т. 1. С. 23–44.
7. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.
8. Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989. P. 6–23.
9. Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников // Архив исторический и политический. СПб., 1818. С. 121–130.
10. Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по золотому берегу // Сын Отечества. 1825. Ч. 102, № XV. С. 151–172.
11. Геройская решительность Негра // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV, № 24. С. 241–246.
12. О нынешнем состоянии негров, находящихся в колониях Американских // Вестник Европы. 1810. Ч. LI, № 12, июнь. С. 304–310.
13. Опыты Северных Американцев переселить черных соотечичей своих обратно в Африку (переведено из Politisches Journal) // Сын Отечества. 1825. Ч. 103, № XX. С. 478–487.
14. Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17, № XLV. С. 253–270.
15. Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ея колониях // Вестник Европы. 1819. Ч. 106, № XIV. С. 138–147.
16. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. 3, № XII. С. 314–331.
17. Каразин В.Н. Речь о пользе просвещения в домоводстве // Вестник Европы. 1811. Ч. 59, № XX. С. 259–286.
18. Каразин В.Н. Практическое защищение противу иностранцев установленной в России подчиненности поселян их помещикам // Вестник Европы. 1811. Ч. 59, № XX. С. 286–290.
19. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 325.
20. Козодавлев О.П. Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века : сб. документов. Липецк : ЛГПУ, 2002. С. 145–158.
21. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 327.
22. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 807.
23. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX в. : в 2 т. Липецк : ЛГПУ, 2006.
24. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 619.
25. РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1810, кн. 5. Д. 138.
26. РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814, кн. 83. Д. 111.
27. РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.
28. РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 103.
29. РГИА. Ф. 1551. Оп. 1. Д. 12.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2017 г.

THE PROBLEM OF SERFDOM IN RUSSIA DURING THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY IN THE LIGHT OF THE HISTORY OF CONCEPTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 163–171.

DOI: 10.17223/15617793/425/21

Dmirii V. Timofeev, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dmitrim@yandex.ru

Keywords: history of concepts; problem of serfdom in Russia; freedom; slavery; property.

The paper develops a practically-oriented pattern for studying the history of public thought with the help of methods of present day's history of concepts. To solve this task, the author postulates the principle of variety of genres of historical sources and the principle of a focused study of the system of social and political concepts within certain thematic fields. The practical implementation of these principles is exemplified in the comparative analysis of meanings and contexts of the use of concepts 'freedom', 'slavery' and 'property' in public and non-public texts which were created by the authors of the first quarter of the 19th century to deliberate upon the problem of serfdom. The analyzed sources include articles from journals like *Vestnik Evropy*, *Syn Otechestva*, *Arkhiv istoricheskii i politicheskii*; archival papers of O.P. Kozodavlev, M. Balugyanskiy, A. Druzhinin, as well as peasants' addresses regarding 'freedom from slavery'. The study resulted in determining the peculiarities of the use of the concepts 'freedom', 'slavery' and 'property' in public and non-public communication in different social groups of Russian society of the first quarter of the 19th century. For public texts, it is characteristic to affirm the historical genesis of 'slavery' in different countries of the world, to morally disapprove of 'slavery' and to support the natural character of 'freedom'. At the same time, the journals were writing about the buyout of slaves in Asia and Africa and about laws regulating the liberation of peasants. All this was contributing to the emergence of two main scenarios of possible liberation in the minds of Russian readers: either by the buyout on the side of peasants, or by the liberating law on behalf of the state power. In texts of projects that were devoted to the softening or cancellation of serfdom, 'property' was emerging as a key concept in connection with the concept 'slavery'. Gradually, the authors were moving from the unconditional recognition of the 'freedom' of a person to the question of contractual relations between peasants and owners of the land. In such a context, one of the ways to cancel the personal dependence of peasants upon their masters was the project of granting the right to buy land with peasants to other, non-noble social groups of Russian society. On the level of peasants' addresses 'slavery', however, was not an abstract category used to describe peasants' status in general, but a concrete term used to stress the inhuman character of punishment, the illegal status of possession by the non-nobles, or any other circumstances that gave peasants a chance to submit a petition to grant them 'freedom'.

REFERENCES

1. Shelokhaev, V.V. (2010) Obshchestvennaya mysl' Rossii: teoretiko-metodologicheskie problemy ee izucheniya [Public thought of Russia: theoretical and methodological problems of its study]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 37–53.
2. Marasimova, E.N. (1999) *Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney trety XVIII veka (po materialam perepiski)* [Psychology of the elite of the Russian nobility of the last third of the 18th century (based on correspondence)]. Moscow: ROSSPEN.

3. Bugrov, K.D. (2017) Applying the methods of the history of concepts to the study of 18th century Russia's political history. *Izvestiya UrFU. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*. 19:1 (160). pp. 160–176. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.1.013
4. Koselleck, R. (2006) *Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatiy* [Social history and the history of concepts]. Translated from German. In: Kuposov, N.E. (ed.) *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical concepts and political ideas in Russia of the 16th–20th centuries]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg; Aleteya.
5. Koselleck, R. (2010) K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatiy [On the question of temporal structures in the historical development of concepts]. In: Bedeker, Kh.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor* [History of concepts, history of discourse, history of metaphors]. Translated from German. Moscow: NLO.
6. Koselleck, R. (2014) Vvedenie [Introduction]. In: Zaretsky, Yu., Levinson, K. & Shirle, I. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stat'i: v 2 t.* [Dictionary of the basic historical concepts: selected articles: in 2 volumes]. Translated from German by K. Levinson. Vol. 1. Moscow: NLO.
7. Skinner, Q. (2004) Kollingvudovskiy podkhod k istorii politicheskoy mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [Collingwood approach to the history of political thought: formation, challenge, prospects]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 66. pp. 55–66.
8. Skinner, Q. (1989) Language and Political Change. In: Ball, T., Farr, J. & Hanson, R.L. (eds) *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Arkhiv istoricheskii i politicheskii. (1818) Dolgo li eshche terpet' grabitel'stva i zhestokosti afrikanskikh razboynikov [How long does it take to endure the robbery and cruelty of African outlaws?]. *Arkhiv istoricheskii i politicheskii*. pp. 121–130.
10. Syn Otechestva. (1825) Vzglyad na voynu anglichan s Ashantiyami i na sostoyanie angliyskikh poseleniy po zolotomu beregu [A glance at the war of the English with the Ashanti and on the state of English settlements along the golden coast]. *Syn Otechestva*. 102:XV. pp. 151–172.
11. Vestnik Evropy. (1805) Geroyskaya reshitel'nost' Negra [Heroic decisiveness of the Negro]. *Vestnik Evropy*. XXIV:24. pp. 241–246.
12. Vestnik Evropy. (1810) O nyneshnem sostoyanii negrov, nakhodyashchikhsya v koloniyakh Amerikanskikh [On the current status of Negroes in the colonies of the Americas]. *Vestnik Evropy*. LI:12. June. pp. 304–310.
13. Syn Otechestva. (1825) Opyty Severnykh Amerikantsev pereselit' chernykh sootchichey svoikh obratno v Afriku (perevedeno iz Politisches Journal) [Experiments of the North Americans to relocate their black compatriots back to Africa (translated from the Politisches Journal)]. *Syn Otechestva*. 103:XX. pp. 478–487.
14. Syn Otechestva. (1814) Vzglyad na respubliku Soedinennykh Amerikanskikh oblastey [A glance at the Republic of the United States of America]. *Syn Otechestva*. 17:XLV. pp. 253–270.
15. Vestnik Evropy. (1819) Vzglyad na postepennyi upadok rabstva i krepostnogo sostoyaniya v Evrope i eya koloniyakh [A glance at the gradual decline of slavery and serfdom in Europe and its colonies]. *Vestnik Evropy*. 106:XIV. pp. 138–147.
16. Vestnik Evropy. (1802) Priyatnye vidy, nadezhdy i zhelaniya nyneshnego vremeni [Pleasant views, hopes and desires of the present time]. *Vestnik Evropy*. 3:XII. pp. 314–331.
17. Karazin, V.N. (1811) Rech' o pol'ze prosveshcheniya v domovodstve [Speech on the benefits of education in housekeeping]. *Vestnik Evropy*. 59:XX. pp. 259–286.
18. Karazin, V.N. (1811) Prakticheskoe zashchishchenie protivu inostrantsev ustanovlennoy v Rossii podchinennosti poselyan ikh pomeshchikam [Practical protection against the foreigners of the subordination of the settlers to their landowners established in Russia]. *Vestnik Evropy*. 59:XX. pp. 286–290.
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 325. (In Russian).
20. Kozodavlev, O.P. (2002) Rassuzhdenie o postepennoy osvobodzhenii krest'yan iz-pod rabstva i o sposobakh, koimi bezopasno mozno vvesti mezhdru imi grazhdanskuyu svobodu [Thought on the gradual liberation of peasants from slavery and on ways by which it is safe to introduce civil liberties to them]. In: Dolgikh, A.N. (ed.) *Dvoryanskie proekty resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX veka: sb. dokumentov* [Noble projects for solving the peasant question in Russia at the end of the 18th – the first quarter of the 19th centuries]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 327. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 807. (In Russian).
23. Dolgikh, A.N. (2006) *Krest'yanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samodержaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX v.: v 2 t.* [The peasant issue in the domestic policy of the Russian autocracy at the end of the eighteenth and the first quarter of the nineteenth centuries: in 2 vols]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University.
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 619. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 4a. 1810. Book 5. File 138. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 4a. 1814. Book 83. File 111. (In Russian).
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1553. List 1. File 177. (In Russian).
28. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1553. List 1. File 103. (In Russian).
29. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1551. List 1. File 12. (In Russian).

Received: 20 September 2017